

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2016.3.03

Правильная ссылка на статью:

Пипия К. Д. Идентификационные портреты россиян (на данных The ISSP и Левада-Центра) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 38—50.

For citation:

Pipiia K. D. Identification portraits of Russians (on The ISSP and Levada-Center data) // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. № 3. P. 38—50.

К. Д. Пипия

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПОРТРЕТЫ РОССИЯН (НА ДАННЫХ THE ISSP И ЛЕВАДА-ЦЕНТРА)

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПОРТРЕТЫ
РОССИЯН (НА ДАННЫХ THE ISSP
И ЛЕВАДА-ЦЕНТРА)

ПИПИЯ Карина Джаниеровна — аспирант кафедры социологии и рекламных коммуникаций Московского государственного университета дизайна и технологии, Москва, Россия

*E-MAIL: karinapipiia@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2753-9829*

IDENTIFICATION PORTRAITS OF
RUSSIANS (ON THE ISSP AND LEVADA-CENTER DATA)

*Karina D. PIPIIA¹—post-graduate student
E-MAIL: karinapipiia@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2753-9829*

¹ Department of Sociology and Advertising Communications, Moscow State University of Design and Technology, Moscow, Russia

Аннотация. На результатах третьей волны исследования International Social Survey Programme, посвященного национальной идентичности, и инициативных опросов Левада-Центра рассматривается соотношение гражданской и этнокультурной компонент в структуре представлений россиян о России как о национальном государстве. Методом факторного анализа были получены две идентификационные категории (этническая и гражданская), пересечение которых позволило выделить четыре группы респондентов с разными представлениями о критериях принадлеж-

Abstract. The paper is based on the results of the third wave of the International Social Survey Program devoted to national identity and on the results of representative all-Russia Levada-Center polls. The author considers the Russian people's civic and ethno-cultural representations of Russia as a nation state. The factor analysis reveals two basic parameters of national identity (civic and ethnic) that allows identifying four groups. Special attention was given to religious and age-related identification as well as immigrant and patriotic settings of

ности к российской нации. Особое внимание уделено возрастному и религиозному аспекту идентификации, а также иммиграционным и патриотическим установкам россиян, дифференцируемым в зависимости от важности тех или иных оснований национальной идентификации.

Ключевые слова: идентичность, нациестроительство, социальная солидарность, этничность, гражданство, иммигранты, ксенофобия, патриотизм

Russians depending on the basis of national identification.

Keywords: identity, nation-building, social solidarity, ethnicity, nationality, immigrants, xenophobia, patriotism

Актуальность и методология исследования. Непрерывающиеся военные конфликты, являясь источником глобальных миграций в европейские страны, с одной стороны, ставят перед политическим руководством Европейского союза проблему урегулирования ситуации с беженцами, а с другой — вовлекают все слои европейского сообщества к рефлексированию над принципами европейской интеграции. Европейский иммиграционный кризис может способствовать более консервативному и популистскому переосмыслению понятия «европейская идентичность». По данным Росстата [Численность..., 2015], доля иностранных граждан, получивших официальный статус беженца в территориальных органах ФМС, ничтожно мала в сравнении с общеевропейским масштабом, однако это не нивелирует проблему национальной идентификации применительно к России, которая, кроме собственного многонационального и поликонфессионального прошлого, вынуждена регулировать постсоветские миграционные процессы.

Дискуссии о национальной идентичности в большей части работ на данную тему, как правило, сводятся к выделению двух её измерений: этнического и гражданско-го. Данные теоретические рамки применялись и в исследовании International Social Survey Programme (далее — The ISSP), посвященном изучению «Национальной идентичности» [General..., 2015]. Автор обращался к результатам третьей волны исследования, участником которого с российской стороны являлся Левада-Центр. Четырехступенчатая стратифицированная выборка репрезентировала взрослое население России старше 18 лет. Опрос 1516 человек проводился с 3 по 22 октября 2012 года в городах и селах методом личного интервью на дому у респондента. Статистическая ошибка для исследований подобного рода не превышает 3,4% для показателей, близких к 50%. Массив данных взвешивался исследователями The ISSP по полу, возрасту и уровню образования в соответствии с результатами всероссийской переписи 2010 года [Variable..., 2015].

Этнический и гражданский параметры идентичности. Анкета The ISSP включала «батарею» вопросов относительно возможных критериев принадлежности к российской нации, с важностью которых следовало согласиться или не согласиться по шкале от «1» — «очень важно» до «4» — «совсем не важно». Эти вопросы

подразумевали как выраженно этнокультурные параметры («быть православным», «говорить по-русски»), так и гражданско-политические индикаторы в конструктивистской парадигме («уважать российский политический строй и законы», «чувствовать себя россиянином»).

Таблица 1 демонстрирует результаты факторного анализа для всех восьми критериев. Автор изначально исходил из двух основных параметров идентичности (этнического и гражданского), поэтому анализ был ограничен выделением только двух факторов. Однако накопленный процент дисперсии является приемлемым, что говорит о состоятельности данного факторного решения. А величина КМО (,879) демонстрирует высокую адекватность выборки для факторного анализа.

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, насколько важно для того, чтобы считаться истинным россиянином...»**

	1.Этнокультурная компонента	2. Гражданская компонента
Быть православным	0,733	*
Иметь российское гражданство	0,698	
Родиться в России	0,678	
Говорить по-русски	0,617	
Прожить в России большую часть своей жизни	0,595	
Чувствовать себя россиянином	*	0,892
Иметь российское происхождение		0,715
Уважать российский политический строй и законы		0,636
<i>Процент дисперсии</i>	<i>50,037</i>	<i>9,484</i>

Примечание. Результаты факторного анализа методом «Главных компонент» с вращением методом «Варимакс».

*Значения ниже 0,5 не выводились.

Критерий «быть православным» получил наибольшую положительную нагрузку в первой компоненте. Обладание российским гражданством, факт рождения в России и владение русским языком, а также длительное проживание в стране являются составляющими этнокультурного измерения идентичности. Самоощущение себя в качестве россиянина («чувствовать себя россиянином») возглавляет список гражданских параметров идентичности. За ним следует такой критерий, как «иметь российское происхождение». «Уважению к российскому политическому строю и законам» присвоена наименьшая нагрузка. Стоит отметить, что данные репрезентативных общероссийских опросов демонстрируют, с одной стороны, низкую правовую грамотность населения [Россияне..., 2014], с другой — многовариативность «правового» поведения и лояльность к некоторым видам незаконных действий, если они не укладываются в представления о справедливом [Уклонение..., 2015].

Как отмечают [Heath, Tilley, 2005: 124], важно не только определить этнический и гражданский параметры в структуре идентичности населения, но и помнить

о том, что они могут быть взаимосвязаны. Респондент может отмечать высокую важность как этнических, так и гражданских параметров, поэтому необходимо выяснить распределение респондентов в рамках двух факторов.

Можно выделить четыре группы респондентов (табл. 2). В первую группу (20,2%) попадают те опрошенные, для которых абсолютной важностью, высчитываемой по сумме «очень важно» и «в какой-то мере важно», обладают только гражданские критерии («чувствовать себя россиянином», «иметь российское происхождение», «уважать российский политический строй и законы»), в то время как этническое выносится за рамки представлений об «истинном» россияnine и является либо «не очень важной», либо «совсем не важной» характеристикой для респондентов.

Таблица 2. Пропорция этнической и гражданской компонент (в % от числа ответивших респондентов; N = 1398)

		Гражданский национализм (%)				Всего
		Очень важно	В какой-то мере важно	Не очень важно	Совсем не важно	
Этнический национализм (%)	Очень важно	5,9	7,7	3,3	8,2	25,1
	В какой-то мере важно	5	11,2	3,4	5,2	24,8
	Не очень важно	6,2	5,2	5,3	4,3	21
	Совсем не важно	5	3,8	20,2	0	29
	Всего	22,1	28	32,2	17,7	100

Пятая часть опрошенных (20,1%) придерживается более жестких критериев, дающих право на членство в нации: православное самоопределение, обладание российским гражданством и т. д. При этом исключаются гражданские параметры, позволяющие самостоятельно конструировать свою идентичность. Необходимы объективные критерии, доказывающие твою принадлежность к нации. В последнее время этот принцип стал применяться рядом стран в отношении неграждан. Самый яркий пример — это требование для мигрантов знать язык и историю страны-приема, что должно подтверждаться прохождением языковых курсов и/или сдачей экзаменов (например, в Нидерландах или в США).

Важность обоих параметров признает треть населения (29,8%), которую автор относит к «смешанному» типу национальной идентификации. Такое же количество опрошенных (29,8%) считает малозначимым или совсем отрицает важность как этнических, так и гражданских параметров измерения идентичности. Можно предположить, что эта группа населения состоит из тех респондентов, кто в значительной степени исключен из активного социального взаимодействия по ряду причин (например, пожилые россияне) и имеет слабовыраженную солидарность с обществом в дюркгеймовском понимании.

Таким образом, для дальнейшего анализа в выборке были выделены четыре группы респондентов с разными типами представлений о национальной идентичности:

- Дезинтегрированный (30%).
- Гражданский (20%).

- Этнокультурный (20 %).
- Смешанный (30 %).

Возрастной аспект идентификации. Выделенные четыре типа идентификации позволяют посмотреть на их пропорциональное соотношение в структуре национальной идентичности россиян. Однако важно понять то, носителями каких социально-демографических характеристик являются те респонденты, кто попадает в ту или иную идентификационную категорию.

Обратимся к первому параметру — возрасту, который был разделен на четыре интервала (табл. 3). Высокое значение критерия хи-квадрат (30,823) и малое значение р-уровня ($p < 0,001$) свидетельствуют о высокой статистической значимости и наличии связи между переменными «идентификационный тип» — «возраст».

Таблица 3. **Возрастная дифференциация (в % от числа ответивших респондентов; N = 1398)**

Типы		От 18 до 24 лет	25—39 лет	40—54 лет	От 55 лет и старше
	Дезинтегрированный		26,7	21,7	32,6
Гражданский		21,7	20,7	17,8	21
Этнокультурный		24,4	21,4	20,1	17,2
Смешанный		27,2	36,2	29,5	25,4
Всего		100	100	100	100

Как видно из таблицы, более трети опрошенных (36 %) среди респондентов в возрасте старше 55 лет принадлежат к «дезинтегрированному» типу, демонстрируя слабую поддержку как гражданских, так и этнических параметров национализма. Четверть респондентов (25,4 %) из группы пожилых россиян признает важность обоих векторов идентификации, а у пятой части опрошенных (21 %) выражена сильная гражданская компонента.

Наименьшим весом у россиян старше 55 лет обладает этнокультурный тип идентификации, которого придерживаются только 17 % опрошенных. Стоит отметить, что социализация этих россиян происходила в советское время, официальный дискурс которого стерилизовал все, что могло спровоцировать межнациональную напряженность среди «дружбы народов», существование которой в советский период находится сейчас под большим вопросом [Деминцева и др., 2013: 98]. Поэтому этнокультурное понимание нации как мононационального государства не было ими усвоено в рамках представлений о должном общественном устройстве. Основанием для идентификации «простого советского человека» [Левада и др., 1993: 6] стала советская идентичность, которой вплоть до распада Советского Союза придерживалась значительная часть населения¹. Динамика поддержки популярного националистического лозунга «Россия для русских» различными

¹ По данным всесоюзного опроса, проведенного в 1989 году нынешним коллективом Левада-Центра под руководством Ю. Левады в рамках работы во ВЦИОМ. Результаты опроса показали, что вторым по приоритетности ответом на вопрос «Кем вы осознаете себя с гордостью, что из перечисленного прибавляет вам уважения к себе?», который выбрала практически треть опрошенных среди жителей РСФСР (31 %), была позиция «советским человеком». В 2015 году лишь 8 % россиян самоопределяли себя в качестве «советских людей».

возрастными группами (рис. 1) может выступать в данном случае лакмусовой бумажкой, демонстрирующей более низкий уровень одобрения пенсионерами.

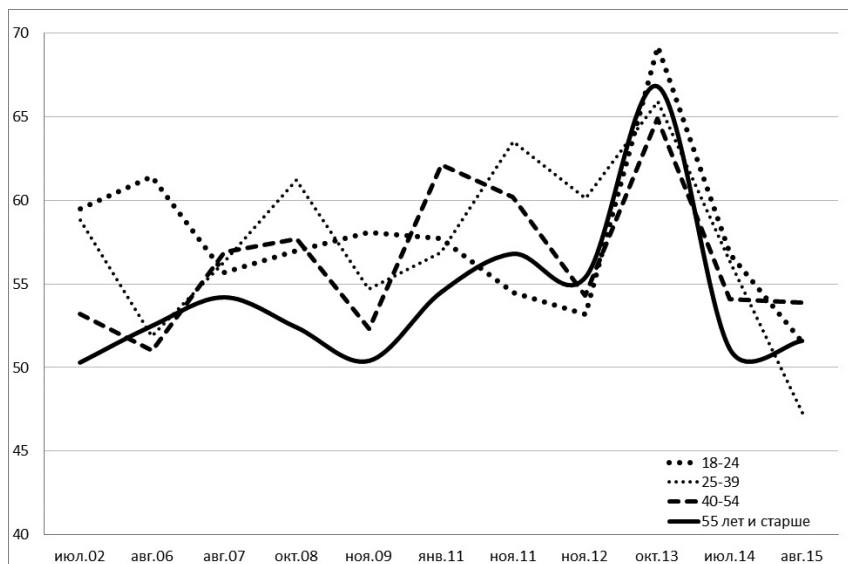

Рисунок 1. Процентное распределение суммы одобряющих ответов на вопрос «Как Вы относитесь к идее „Россия для русских“?» в разных возрастных группах

Среди россиян в возрасте от 40 до 54 лет (как и среди молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет) наиболее выражены дезинтегрированный и смешанный типы, в то время как чистый гражданский или этнокультурный — в меньшей степени.

У респондентов из возрастной категории от 25 до 39 лет смешанный идентификационный тип (36 %) является преобладающим, а остальные типы набирают примерно равное процентное распределение (по 21 %-22 %). Можно предположить, что такое синтетическое понимание национальной идентичности в данной возрастной группе вызвано следующим. Во-первых, россияне в возрасте от 25 до 39 лет чаще остальных проявляют себя как граждане: работают, активнее голосуют, задействованы в институциональной системе, в том числе посредством воспитания детей. Как отмечалось ранее, гражданское понимание принадлежности к нации связано в большей степени с самоидентификационным конструированием, т. е. убежденностью в том, что для того, чтобы считаться членом той или иной нации, достаточно собственного волеизъявления.

Во-вторых, данное поколение вступало во взрослую жизнь уже в постсоветский период, когда «советскость» как идентификационно-идеологическая платформа начала вытесняться демократическими и гражданскими дискурсами. Отказ политического руководства нового российского государства от этнического пути был замечен на примере отмены «пятой графы» и начала свободной артикуляции проблемы антисемитизма в СССР. Однако это не означает тотального отрицания советского подхода к определению понятия «нация», идеи которого до сих

пор транслируются как политиками, так и общественными деятелями, и могут усваиваться в том или ином виде молодыми россиянами, родившимися уже после распада советского государства, или теми респондентами, социализация которых происходила в переходный период.

Религиозная vs. коллективная идентификация. За последнюю четверть века доля россиян, относящих себя к верующим, выросла практически в четыре раза. В настоящее время свыше 70 % россиян называют себя православными [Зоркая, 2009: 65]. Десекуляризация общественной жизни была закреплена и на государственном уровне принятием закона, направленного на «защиту чувств верующих». Данные тенденции позволяют предположить значимую роль православия в формировании представлений о том, кого следует относить к категории «россиянин», для значительной части населения. Однако результаты опроса показывают, что этнокультурный идентификационный тип не является приоритетным среди тех россиян, кто относит себя к православному вероисповеданию (табл. 4).

Таблица 4. **Относите ли Вы себя к какому-либо вероисповеданию? Если да, то к какому именно? (в % от числа ответивших респондентов; N = 1380)**

Типы		Православие	Ислам	Атеизм
	Дезинтегрированный		32,8	1,5
Гражданский		21,3	13,8	7,8
Этнокультурный		19,2	30,8	21,9
Смешанный		26,7	53,8	48,4
N		1123	65	64
Всего		100	100	100

У трети опрошенных (33 %), что составляет большую часть среди православных, отсутствует выраженность представлений о важности тех или иных параметров коллективной идентификации, т. е. ни один из предлагаемых параметров не рассматривается ими как в значительной степени важный.

Только у пятой части выражен этнокультурный тип, высокую значимость в котором демонстрирует как раз православная компонента (табл. 1). Получается, что более чем для половины россиян (54 %), характеризующих себя как православных, такие составляющие этнокультурной идентификации, выявленные с помощью факторного анализа, как «быть православным», «иметь российское гражданство», «родиться в России», «говорить по-русски», «прожить в России большую часть своей жизни», не обладают высокой важностью в качестве критериев принадлежности к нации.

Данные других исследований, посвященных изучению религии, демонстрируют, что отнесение себя к православию не означает религиозности, формирующей повседневные поведенческие практики. Изучение влияния религии на личность возможно лишь «в единстве её мифологической (идеологической) и ритуалистической составляющей» [Белик и др., 2007: 3]. По данным исследований, которые Левада-Центр проводит с конца девяностых гг., доля россиян, сохраняющих обыч-

ный режим питания в период Великого поста, не опускалась ниже 70-процентного уровня, а число крещеных россиян, никогда не причащавшихся (т. е. игнорирующих одно из главных православных таинств), — ниже 60-процентного уровня. Наконец, чуть более десятой части населения ежемесячно посещает религиозные службы в Церкви [Зоркая и др., 2014: 129].

Таким образом, низкий уровень собственной религиозности среди большей части населения не позволяет рассматривать конфессиональную принадлежность как определяющий критерий принадлежности к российской нации.

Иммигрантофобия. Как справедливо отмечают исследователи [Дробижева, 2014: 126], коллективная идентификация может иметь как позитивные, так и негативные основания. Если в первом случае идентичность конструируется вокруг таких параметров, как, например, экономический рост, благополучие, высокий уровень развития демократии, то во втором — солидарность в обществе возникает как реакция на «Других», способствуя подъему ксенофобских и националистических настроений среди населения. Придерживаясь данных теоретических рамок, можно посмотреть, каково отношение россиян из разных идентификационных типов к иммигрантам, «батарею» вопросов о которых также включало исследование The ISSP (табл. 5).

Таблица 5. **В какой мере Вы согласны или не согласны со следующими высказываниями об иммигрантах... (в % от числа ответивших; по суммарной частоте строки)**

	Сумма позиций «Полностью согласен» и «Скорее, согласен»			
	Они увеличивают уровень преступности	Они отбирают рабочие места у россиян	Они разрушают российскую культуру	Россия должна принимать строгие меры для выдворения «нелегалов»
Дезинтегрированный	79	73	50	78
Гражданский	73	64	49	73
Этнокультурный	72	71	49	78
Смешанный	63	55	38	65

Наиболее высокая поддержка мифов [Мукомель, Паин и др., 2006: 114] об иммигрантах (высокий уровень преступности среди приезжих, конкуренция за рабочие места с «коренным» населением, навязывание своих культурных образцов и моделей поведения в стране-приема) отмечается среди россиян с дезинтегрированным типом идентификации, для которого малозначимы как гражданские, так и этнические основания солидаризации. Как справедливо отмечал Б. Дубин: «Повышенная значимость проблем коллективного самоопределения и отмежевания от „других“ проявляется... как растущая фрагментация социума без увеличения его социального и культурного многообразия...» [Дубин, 2009: 57]. Отказ практически трети населения от каких-либо идентификационных критериев (при высоком уровне негативизма по отношению к «Другим») позволяет предположить, что отсутствие выраженных ценностных ориентиров и представлений об идеаль-

ной гражданско-государственной модели может замещаться проведением границ между «своими» и «чужими» в ксенофобской плоскости, когда самоопределение происходит за счет противопоставления, которое принимается на мифологическом уровне, т. е. глубоко не осмысливается.

Разница в поддержке мифов об иммигрантах между гражданским и этническим типом статистически не выражена, за исключением одобрения мнений о том, иммигранты «отбирают рабочие места у россиян» и необходимости проведения более строгих мер для выдворения нелегалов, которое выше среди опрошенных с этнокультурными установками нациестроительства. Представляется, что поддержка первой мифологемы является наследием позднего советского периода, когда стереотипы об ущемлении прав русских представителями других этнических групп (в республиках) стали активно артикулироваться, равно как и антисемитские клише о засилье во власти и сверхбогатстве евреев [Рывкина, 2005: 260]. В то время как борьба с нелегальной миграцией составляет основную повестку представителей российских правых сил с середины нулевых годов.

Наименьший уровень поддержки негативных аттитюдов в отношении к иммигрантам фиксируется среди тех респондентов, для которых важны оба вектора коллективной идентификации, хотя и здесь более половины опрошенных демонстрируют согласие с мифами о конкуренции за рабочие места и об «этнической» преступности, а также о выдворении «нелегалов» из страны. За «существенное сокращение» численности иммигрантов в России среди представителей смешанного типа выступает 28 % опрошенных против более чем трети в остальных идентификационных типах. Если среди представителей смешанного типа 38 % опрошенных придерживаются позиции «культурного расизма», противопоставляющего доминирующую (позитивную) культуру страны-приема культурным образцам, привнесенным иммигрантами, и исключающего возможность благоприятного (бесконфликтного) сосуществования в рамках одного социума, то среди представителей остальных трех идентификационных типов — каждый второй.

Гордость и патриотизм. После того как Владимир Путин назвал патриотизм единственной национальной идеей [Латухина, 2016], исследование патриотических настроений и установок населения, особенно их динамики, стало ещё более актуальным. Результаты первой волны The ISSP, проведенной в 1996 году и посвященной идентичности, демонстрировали, с одной стороны, невыраженность среди значительной части населения гордости за государство, которое «перестало быть „великой страной“», с другой — ретроориентацию россиян на значимость таких параметров национальной идентификации, как история и успехи в искусстве и литературе [Гудков, 1999: 42].

Третья волна исследования, в отличие от второй², не демонстрировавшей существенных изменений в патриотических оценках достижений страны, выявила рост «рациональной» гордости россиян [Магун, Фабрикант, 2015: 2]. Более чем в два раза увеличилось число тех респондентов, кто гордится экономическими достижениями России (рис. 2) и положением дел с демократией в стране (31 % в 2012 году

² Вторая волна исследования проводилась в 2003 году.

против 16% в 1996). Система социальной защиты населения³ и политическое влияние России в мире также стали вызывать больше оснований для гордости.

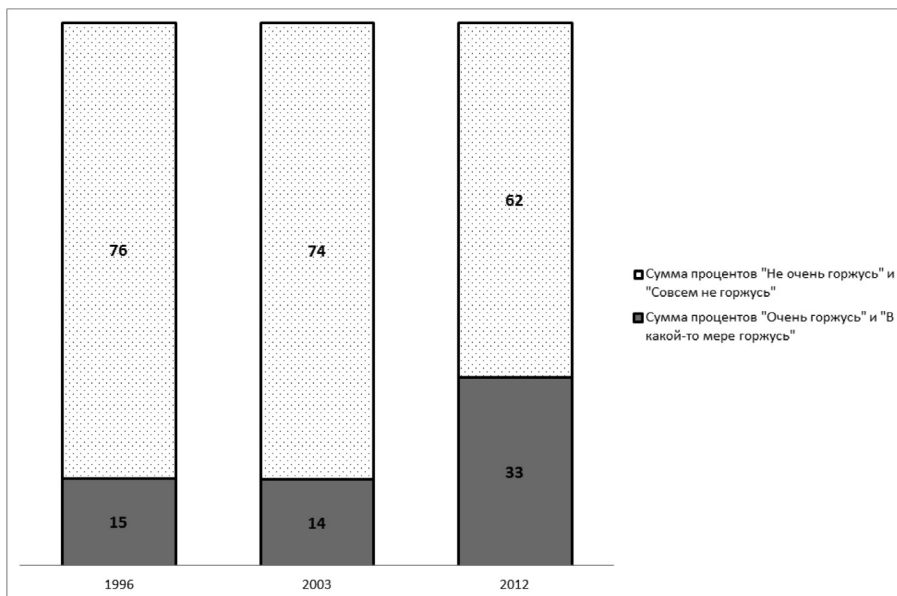

Рисунок 2. Уровень гордости за экономические достижения России (в %)

О том, что образ страны как таковой (с её исторической нагрузкой в первую очередь) стал сближаться в оценках с образом нынешней России, свидетельствует снижение разрыва между этими двумя типами гордости (рис. 3). Если в 2006 году разница между гордостью за Россию в целом и гордостью за нынешнее положение страны составляла 35 п. п., то уже в 2013 году разрыв сократился до 17 п. п.

Число респондентов, согласных с утверждением о том, что «В России происходят сейчас такие дела, что заставляет меня испытывать стыд за нее», которое также включала анкета The ISSP, снизилось от второй к третьей волне исследования с 80% в 2003 году (аналогичный показатель фиксировался в 1996 году) до 51% в 2012 году. Повторное обследование, инициированное Левада-Центром, демонстрировало дальнейший спад доли стыдящихся за страну, которая в 2015 году составила только пятую часть опрошенных (19%). Однако динамика многих социальных показателей после присоединения Крыма стала демонстрировать обратные тенденции, чем в предыдущие годы, что требует более аккуратной интерпретации данных исследований, особенно изучающих такие явления, как «патриотизм» и «гордость».

³ С конца девяностых гг. вплоть до 2008 г. «Индекс социальных настроений», регулярно измеряемый Левада-Центром, демонстрировал тренд на увеличение удовлетворенности населением как собственным материальным положением, так и положением дел в стране в целом. После кризиса 2008—2009 гг. оценки резко пошли вниз, однако сохранились на более высоком уровне, чем в период первой волны исследования. URL: <http://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

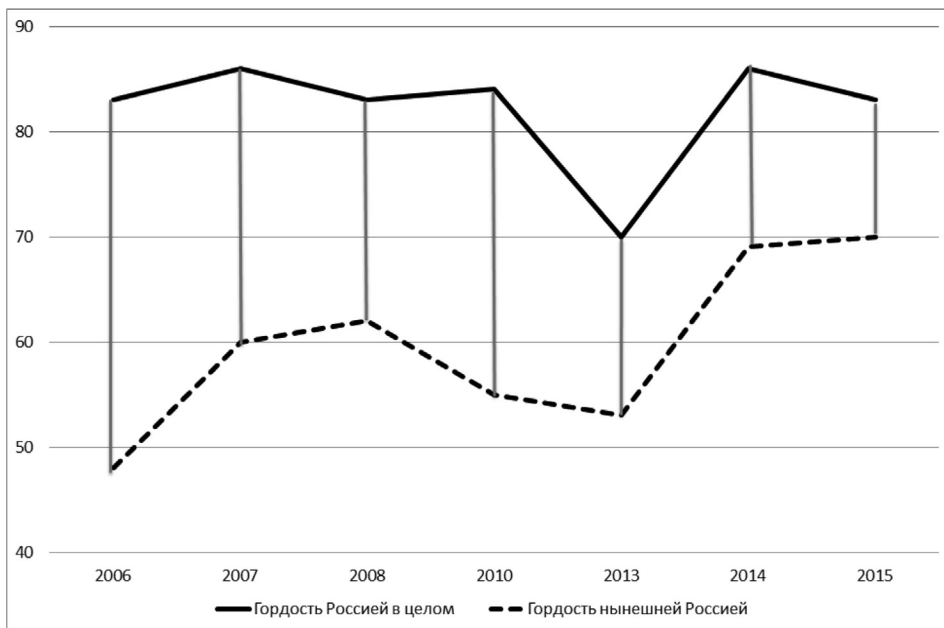

Рисунок 3. Процентное распределение суммы одобряющих ответов на вопросы «Гордитесь ли Вы тем, что живете в России?» и «Гордитесь ли Вы нынешней Россией?»

Индикатор «нормативной» гордости, направленный не на выявление рациональных оснований патриотизма (экономических или социальных достижений государства), а просто на фиксацию уровня гордости за сам факт российского гражданства, дифференцирован в зависимости от выделенных идентификационных типов (табл. 6).

Таблица 6. **Насколько Вы гордитесь тем, что являетесь гражданином/гражданкой России?** (в % от суммарной частоты строки)

	Очень горжусь	В какой-то мере горжусь	Не очень горжусь	Совсем не горжусь	N
Дезинтегрированный	49	39,2	8,6	3,2	408
Гражданский	26,5	59,9	11,4	2,2	272
Этнокультурный	28,7	55,2	13,3	2,9	279
Смешанный	13,1	54,5	24	8,3	396
Всего					1355

Примечание. За исключением затруднившихся ответить; респондентов, ответивших, что они не являются гражданами России; респондентов, отказавшихся от ответа на данный вопрос.

Наиболее высока доля тех ответивших, кто «очень гордится» тем, что она/она является гражданином РФ, среди представителей дезинтегрированного типа —

практически половина (49%). Этот же тип лидирует и в целом по сумме позиций «очень горжусь» и «в какой-то мере горжусь». Гражданский и этнокультурный типы имеют практические равные показатели «нормативной» гордости (86 % против 84 % по сумме обеих положительных позиций). Среди респондентов из смешанного типа доля «очень гордящихся» находится на самом низком уровне и составляет чуть более десятой части опрошенных (13 %).

Самый высокий показатель «нормативной» гордости наблюдается среди россиян, у которых не сформированы представления о важности гражданских или этнокультурных параметров идентичности. Данной группе затруднительно нарисовать портрет «истинного» россиянина, однако гордость за страну у неё выше, чем у представителей других идентификационных типов. Респонденты из смешанного типа, конструирующие национальную идентичность с использованием обоих параметров, склоны в меньшей степени проявлять «нормативную» гордость.

Можно предположить, что последние, имея идеальный образ нации и гражданина, способны сопоставлять его с действительностью, которая может соответствовать идеалу, а может противоречить, что, вероятно, оказывает влияние на выражаемое чувство гордости. Напротив, у представителей дезинтегрированного типа идеальные критерии нациестроительства не выражены, поэтому гордость не будет являться результатом сравнения желаемого с действительным, а будет восприниматься как внешняя норма, с которой можно согласиться или не согласиться. В данном случае респондент станет озвучивать так называемый «социально одобряемый ответ» не потому, что он боится или хочет показаться хорошим интервьюеру (или не только поэтому), а потому что для несогласия требуется иная от общепринятой аргументация, которой у представителей данного типа нет по причине дезориентации в социальном пространстве.

Таким образом, результаты общероссийского репрезентативного опроса демонстрируют невыраженность среди значительной части населения консенсусных представлений о критериях принадлежности к российской нации. Отрицание практически третью опрошенных важности каких-либо параметров национальной идентификации позволяет предположить, что для них статус «россиянина» рассматривается не как акт добровольного выбора, а как прескрептивная характеристика — предписанный статус.

Общество консолидируется на основе мигрантофобии и этнофобии, уровень которых высок во всех идентификационных группах, т. е. преобладание этнического или гражданского понимания нациестроительства не влияет на восприятие иммигрантов. Это может использоваться представителями правых сил, не имеющих в настоящее время значимой электоральной поддержки, но способных перенаправлять общественное недовольство в межнациональные беспорядки. Яркий пример последних лет — погромы в Бирюлево.

Список литературы

Белик А. А. (ред.) Влияние религии на общество и личность. М. : ИЭА РАН, 2007.

Гудков Л. Д. Россия в ряду других стран: к проблеме национальной идентичности // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 1(39). С. 39—47.

Деминцева Е. Б. (ред.) Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... М. : Новое литературное обозрение, 2013.

Дробижева Л. М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // *Общественные науки и современность*. 2014. № 1. С. 119—129.

Дубин Б. В. Векторы и уровни коллективной идентификации в сегодняшней России // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*. 2009. № 2(100). С. 55—64.

Зоркая Н. А. (ред.) *Общественное мнение — 2014*. М. : Левада-Центр, 2015.

Зоркая Н. А. Православие в безрелигиозном обществе // *Вестник общественного мнения : Данные. Анализ. Дискуссии*. 2009. № 2(100). С. 65—84.

Латухина К. Владимир Путин поддержал инициативы бизнеса и назвал патриотизм национальной идеей // *Российская газета*. 2016. 03.02. URL: <http://www.rg.ru/2016/02/03/vladimir-putin-nazval-patriotizm-nacionalnoj-ideej.html> (дата обращения: 05.01.2016).

Левада Ю. А. (ред.) *Советский простой человек : Опыт социального портрета на рубеже 90-х*. М. : Мир : Океан, 1993.

Мукомель В. И., Паин Э. А. (ред.). *Нужны ли иммигранты российскому обществу?* М. : Фонд «Либеральная миссия», 2006.

Россияне о Конституции. Пресс-выпуск Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/old/2014/12/10/rossiyane-o-konstitutsii-3> (дата обращения: 20. 01.2016).

Рывкина Р. В. *Как живут евреи в России. Социологический анализ перемен*. М. : «Дом еврейской книги» — «Параллели», 2005.

Уклонение от уплаты налогов. Пресс-выпуск Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/2015/04/16/uklonenie-ot-uplaty-nalogov/> (дата обращения: 16.01.2016).

Фабрикант М. С., Магун В. С. *Гордость человека своей страной: индивидуальные и страновые детерминанты*. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/a844606ffdf461b942f3b5aec98bdd8ef2e7577.pdf> (дата обращения: 24.01.2016).

Численность вынужденных переселенцев, беженцев и лиц, получивших временное убежище. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/tab-migr4.htm (дата обращения: 17.01.2016).

General information. URL: <http://www.issp.org> (дата обращения: 30.01.2016).

Heath O., Tilley R. *British National Identity and Attitudes towards Immigration* // *International Journal on Multicultural Societies*. 2005. 2: 119—132.

Variable weight. Leibniz-Institute for the Social Sciences. URL: <http://zacad.gesis.org/webview/index.jsp?object=http://zacad.gesis.org/obj/fStudy/ZA5950> (дата обращения: 15.12.2015).